

*Авторы выражают признательность
Галине Гамбург.*

Вместо пролога

Школа неотвратно подходила к концу. Все уже думали о новых местах — институт, работа, армия... У девочек еще оставалась архиважная задача здесь и сейчас, настоящая цель — платье на выпускной, но даже они витали мыслями где-то далеко от дня нынешнего.

Денис Вербицкий, невидяще уставившись в окно классной комнаты, уныло прикидывал, какой профиль ему светит в аттестате. Технический — вряд ли. Гуманитарный — хотелось бы верить; последний экзамен покажет. Лишь бы не усредненный, с таким трудно устроиться, а связей у бабушки мало, да и те, что есть, — смешно сказать, в балете. Не попользуешься...

В этот момент к нему и подошла Катя.

Он перестал тешить себя надеждой еще в восьмом классе, когда понял, что безразличен первой красавице школы и вряд ли что-то поменяется в ближайшие пару сотен лет. Оттого и старался лишний раз не смотреть в ее сторону. А тут вдруг она подошла сама. Присела на парту, вытянула и придирчиво осмотрела офигительную ножку в чулке, покрутила туфелькой так и эдак, оправила ладонью подол коротенькой юбки.

— Дэн, а ты правда видишь сквозь стены?

— Ну, не стены... — Денис с трудом заставил себя отвлечься от туфельки, юбки, ножки и того, что Катя сидит вот так близко... — Через боковину шкафа как-то увидел

бабушкин паспорт, он за полку завалился, никак не могли найти.

— А через бумагу увидеть сможешь? Письмо, например, прочитать, не распечатывая?

— А что, сейчас еще пишут бумажные письма?

— Бывает...

Катя вздохнула так горько и захлопала ресницами так беззащитно, что из неприступной красавицы мгновенно превратилась в нормального, очень-очень близкого, почти родного человека, которому необходимы помощь и твердое рыцарское плечо. Вербицкий приосанился. Шанс выручить Екатерину мог бы никогда не выпасть, и Денис почувствовал себя не просто окрыленным, а по-настоящему счастливым, словно пассажир «Титаника», успевший запрыгнуть в последнюю спасательную шлюпку.

— Тебе это действительно важно? — тихо спросил он.

Она кивнула:

— Сможешь подойти ко мне домой после занятий?

Сколько он в свое время придумывал поводов, чтобы напроситься к ней в гости, и все казались неубедительными, и вот надо же...

Она жила в старом районе Анапы, недалеко от городского пляжа. В доме неуловимо пахло цветами, пол в коридоре блестел полированным мрамором. Сильно осматриваться по сторонам Денис не решился — неприлично, да и боялся не собраться с силами, подвести ее. Он ведь сам не понимал, как у него получается видеть сквозь препятствия.

Конверт оказался официальным письмом из департамента по науке. Пришлось напрячься изо всех сил, но он все-таки смог прочитать через бумагу. Там были фамилии и цифры против каждой. Ни то, ни другое ему ни о чем не говорило, но Катя так обрадовалась, что бросилась обнимать. Потом угостила чаем.

На следующий день, когда он зашел в класс, она улыбнулась. Не просто так улыбнулась, а персонально ему! Вербицкий хотел поговорить, но девушка упорхнула на дополнительные занятия, а на эсэмэску с приглашением сходить в кино ответила, что вечером занята с репетитором. Мол, последний экзамен на носу, да и до выпускного-то всего неделя...

Праздновали в одном из ресторанов на набережной. Денис не спускал с Кати глаз, с удовлетворением отмечая, что она не обращает какого-то особенного внимания на мальчишек-одноклассников. Она даже потанцевала с ним под популярный медлячок, но пойти погулять вдвоем по вечерней Анапе отказалась. Ночь пролетела быстро, класс слегка поредел, самые стойкие решили продолжить праздник и пойти на пляж, заценить июньскую водичку. Катя тоже пошла, бессонная ночь не мешала ей радоваться жизни. И она так весело хохотала в ответ на его шутки!

Солнце не спешило подниматься над городом, восточная часть неба вместе с морем все еще казались мрачными, берег — непривычно пустынным. Выпускники разрушили тишину воплями и визгом — конечно же, кого-то из девочек уже обрызгали из пригоршни. На причал вбежала еще одна шумная нарядная ватага — школ в Анапе много. Катя снова засмеялась непонятно чему, но Вербицкому не хотелось спрашивать, он чувствовал невыразимое счастье.

И тут на пляж начали одна за другой выкатываться инвалидные коляски, целый караван, штук двадцать, а то и больше. Люди в них выглядели жутковато — словно уродливые изваяния, застывшие в скрюченных неестественных позах. Только глаза оставались живыми, во взглядах теснилось мучительное страдание.

— Куда... что это? — вырвалось у Дениса.

— Хорошо, что коляски теперь на автопилоте, — сказала Катя, — раньше бы никто не стал вывозить их к морю.

— Паралич?

— Нет, фибродисплазия. — Она с удивлением посмотрела на него. — Вербицкий, ты что, с луны свалился?

Ах да, конечно, так называется страшная болезнь, при которой мягкие ткани постепенно превращаются в кость, и человеку приходится выбирать, сидя или лежа он проведет остаток жизни, потому что сменить положение уже невозможно.

Денис почувствовал, что его потряхивает:

— А что так много-то? А почему? Раньше же не было?

— Медики считают, что это произошло из-за накопления рецессивных аллелей гена фибродисплазии в популяции.

— А?.. — Тут Вербицкий спохватился, что лучше бы не показывать свою невежественность. — А! Ну, понятно...

У одной из пожилых женщин рука застыла в прихотливо изогнутом виде, будто изображая гротескного лебедя. Денис тут же подумал о своей бабушке, бывшей балерине. Он звал ее Нелли, она заменила ему родителей, которых он не помнил. Те погибли в автокатастрофе очень давно.

Подошел Васян; одноклассник тоже заинтересовался печальным зрелищем:

— Ужас... слушай, надо правда спортом заниматься смолоду. Эти бабки же как усядутся перед экраном, так ничего им уже и не надо, — и он показательно повел мускулистыми плечами.

— Вась, этим не только старушки болеют. — Катя возразила негромко, но ее услышали все, кто стоял неподалеку, она умела заставить себя слушать. — И здоровые мужики встречаются, и дети, увы... Но да, женщины после пятидесяти пяти в группе риска.

Денис почувствовал неприятный холод в груди. Его Нелли (язык не поворачивался назвать ее старушкой) только что исполнилось пятьдесят восемь.

— Катя... — Он хотел расспросить подробнее про страшную болезнь, но девушка уже с улыбкой смотрела в противоположную сторону, где располагалась невысокая лесенка центрального входа. По ней спускался рослый мужчина лет тридцати, ярко выраженной кавказской наружности, со шкиперской бородкой.

— Катюха! Ну что, выпускница, тебя уже можно поздравить? — Незнакомец раскрыл объятия, и она побежала к нему навстречу. Денис еще строил предположения по поводу их родственных связей, когда Катя представила его:

— Это Дэн, мой одноклассник, который нас тогда выручил. Ну, теперь уже бывший одноклассник.

— Георгий. — Мужчина протянул крупную руку, пожал уверенно, со сдержанной силой. — Спасибо. Очень благодарен, что вы помогли моей невесте. Это было крайне важно для ее будущего.

Мир, в котором Денис прожил целую неделю, рухнул в одну секунду. Пробормотав что-то невнятно-вежливое, он поплелся на автобусную остановку. Его дом находился не в самой Анапе, а в одной из пригородных станиц.

Глава первая

Впалисаднике пышно цвели пионы, на них смотрели с ворот два кованых черных лебедя. Нелли, когда еще были деньги, заказала авторский забор кузнецу. На дом уже не хватило, все оставили, как было, только поменяли рамы на более затейливые. Денис торопливо поднялся на крыльцо; ему хотелось, как в детстве, выпить чаю с прозрачным дынным вареньем и, забравшись в плюшевое кресло вишневого цвета, слушать нескончаемые рассказы про гастроли в Париж и Милан, про великих дирижеров и певцов. Бабушка танцевала не в балетах, а в опере. Собственно, это ничего не меняло, все равно самыми интересными были не театральные и не музыкальные подробности, а то, как она потерялась в мусульманском квартале, как ее подруга в Венеции перепрыгнула в чужую гондолу, чтобы скрыться от навязчивого ухажера, но потеряла по дороге туфлю... А еще Нелли угораздило попасть в Краснодарскую филармонию, как раз когда в городе произошло Событие.

* * *

...Денис распахнул дверь в кухню. Бабушка обычно бодро поднималась с углового диванчика, едва он заходил, она вообще была очень подвижной. Сейчас она встала непривычно медленно. Неосознанным движением ладони провела по предплечью другой руки. В глазах — тепло и благоже-

лательный интерес, все как обычно, однако теперь Денис заметил и еще кое-что. Тревогу? Тоску?

— Вернулся, выпускник? Как все прошло? Без драк, без эксцессов? Чаю будешь? Или сразу спать?

— Конечно, чаю! — Он через силу улыбнулся. Очень не хотелось показывать ей свое плохое настроение. — А рассказывать нечего, все прошло будто по шаблону. — Он театрально раскинул руки: — Свобода-аа! Вот что сейчас самое главное.

— Что, даже не похвастаешься количеством выпитого вина и перецелованных девчонок? — Прищурилась бабушка. — Не расскажешь, как рыдали учителя, расставаясь с лучшим в мире классом?

— Это совсем не то, о чем мне сейчас хотелось бы говорить... Расскажи лучше ты — про Краснодар.

Нелли изумленно вздернула брови:

— Сейчас?! Про Краснодар?! Да ты уж наизусть, наверное, эту историю знаешь.

— Ну и что. Расскажи.

Она щелкнула пультом чайника. Тот начал светиться и тихонько загудел.

— Знаешь, — задумчиво сказала Нелли, — я тебе сейчас по-другому расскажу. Не так, как раньше. Надо же как-то отметить тот факт, что ты уже не школьник.

— У тебя там, что ли, клубничка случилась посреди апокалипсиса? — усмехнулся внук.

— Это было бы совсем неинтересно, — вздохнула она и осторожно опустилась на диван. — Может, и пикантно, но пошло. Нет, я о другом, о том, чего ни в десять, ни в двенадцать лет ты бы не понял, не оценил. Не факт, что и сейчас-то оценишь, — бросила она скептически, — но теперь хотя бы есть шанс, мальчик ты все-таки умный. Понимаешь, я вот балерина, всю жизнь протанцевала, но меня всегда приводили в восторг цвет и свет. Сейчас уже,

наверное, поздно начинать рисовать, да я и не об этом. Знаешь, на закате есть такой удивительный цветовой момент. Небо ведь в это время состоит только из теплых оттенков — желтый, красный, оранжевый. Но когда солнце заходит за горизонт — они вдруг меняются, становятся фиолетовыми, пугающе холодными. Кастанеда, это латиноамериканский оккультист такой, тоже чувствовал подобное, у него даже есть фраза: «Сумерки — трещина между мирами». Ты вряд ли о нем слышал, хотя не мешало бы. Так вот. Я всегда знала: если другой мир вторгнется к нам, это обязательно произойдет на закате.

Денис замер, пытаюсь представить это вторжение на закате. Красиво и жутко одновременно.

Вода закипела. Нелли заварила чай в стареньком фарфоровом чайничке с тонкими стенками и продолжила:

— Событие, как ты знаешь, произошло летом. Концерт закончился, мы вышли из филармонии, болтали кто о чем, а я посмотрела на запад и увидела неладное. Солнце еще оставалось над землей, а краски уже были холодными. Я ведь фанат закатов с детства, поэтому сразу заметила вопиющее несоответствие. Почувствовала: должно случиться нечто, сказала своим спутникам. Конечно, мне никто не поверил. Посмеялись. А потом, буквально минут через двадцать, вдруг посреди ясного неба разразилась гроза и... ну, дальше ты знаешь. Зеленоватые вспышки в сумерках, куча жертв полосами по районам... Нам повезло. Улица Красная, на которой находится филармония, почти не пострадала. Мы уехали. Даже не сильно задержались. А затем в городе начались... аномалии, и жители разбежались кто куда.

— А что за аномалии-то? — Денис вдруг понял, что знает все очень поверхностно, приблизительно. Вон, под Курском испокон веков тоже аномалия — магнитная, но никто ведь из-за этого город не покинул? Или место посреди пустыни в Мексике, «зона молчания», в которой не-

объяснимым образом замолкает любой радиосигнал. Или водопад в Китае, который не замерзает зимой при минус тридцати, зато летом может без каких-либо видимых причин превратиться в ошестинившегося сосульками ледяного ежа. Все это странно, конечно, необычно, *аномально*, но совсем не повод для паники. — В Краснодаре же вроде только яблоневые сады дурниной поперли, зачем из-за этого убежать?

— Это не обычные яблони, таких раньше не было, да и вообще яблонями их называют исключительно из-за внешнего сходства, — объяснила бабушка, наливая чаю. — Неужели вам в школе ничего про это не рассказывали? Впрочем, ничего удивительного, с годами интерес снижается, если его искусственно не поддерживать. А тогда, в первое лето, все только о Событии и говорили, гипотезы выдвигали, страшилки сочиняли.

— Страшилки?

— Ну да, — пожала бабушка плечами. — Человек всегда боялся того, что не мог объяснить. А тут прямо под носом — то ли инопланетные растения, чьи споры занесены на Землю метеоритным дождем, то ли мутация, вызванная неизвестным космическим излучением, то ли видоизменившиеся под воздействием местных условий вторженцы из параллельного пространства. Рядом с ними почему-то вся техника переставала работать, молнии какие-то шаровые летали, а еще они ужасную аллергию вызывали: кто-то задыхался, словно при астме, кто-то мгновенно умирал от анафилактического шока. Ну и вообще... много там непонятного обнаружилось. Конечно, так просто никто бы жилье свое не бросил.

— Но там же до сих пор живут, — напомнил Денис.

— Кто тебе сказал? — Нелли усмехнулась. — Там закрытая территория, огороженная охраняемая зона, посторонних не пускают. Разумеется, наверняка кто-нибудь